

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Л.В. Гриченко*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

rgrichenko@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФИТОНИМОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ****[Lyudmila V. Grichenko Peculiarities of semantics and functioning
of phytonyms in Russian proverbs]**

The article is devoted to the semantics and functioning of phytonyms in the Russian proverbial fund. The relevance of the study of phytonyms on the basis of the proverbial fund is determined by the peculiarities of their reference attribution, figurative semantics associated with stereotypical representations, as well as existing linguistic and cultural features of phytonyms in various languages. The peculiarities of the semantics and functioning of phytonyms in the Russian proverbial fund include a developed system of semantic relations (antonyms and hyper-hyponyms), a wide variety of hyponyms, generalization of semantics, the usage of diminutive affixes, and suffix word formation of adjectives.

Key words: phytonym, proverb, phytomorphic code of the culture, reference attribution, linguistic and cultural features.

Фитонимы традиционно рассматриваются в рамках биоморфного кода культуры, объединяющего анималистические наименования живых существ, а также названия растений, их частей и плодов. Традиционно под кодом культуры понимают «семиотическую систему, в которой концентрируется набор этнокультурной информации, способной идентифицировать культуру через совокупность вторичных знаков и смыслов» [8, с.171]; ««сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [6, с. 297].

Биоморфный код культуры ученые традиционно делят на зооморфный и фитоморфный (М.Л. Ковшова), при этом последний может именоваться растительным (В.Н. Телия). В настоящий момент наиболее изученным представляется зооморфный код культуры, содержащий представления о

птицах, животных и насекомых (В.В. Красных, Ф.Н. Гукетлова и др.). Средства репрезентации данного кода детально изучены на материале текстов различных жанров, наиболее значимые результаты обнаруживаются при проведении исследований в рамках когнитивной и лингвокультурологической парадигм, при обращении к фразеологическому фонду, а также к фольклору различных народов, обнаруживающему тесную взаимосвязь референтных возможностей языковой единицы и ее символической, образной, лингвокультурной составляющими.

Фитоморфный код культуры, содержащий знание о растениях, их свойствах и характеристиках, менее изучен. Вместе с тем он представляет не меньший научный интерес в аспекте когнитивной и лингвокультурологической парадигм, так как при универсальности кодов культуры их этно-специфичность проявляется в средствах номинации, референтной отнесенности, основанной на принципах культурно-детерминированного ассоциативного и образного мышления, различной ценности и значимости для народа.

Цель исследования состоит в описании семантики и особенностей функционирования фитонимов в пословичном фонде русского языка, что связано со спецификой их референтной отнесенности, а также лингвокультурными особенностями. Частотность метафорических наименований (зооморфная метафора, вегетативная метафора и т.д.) в пословичном тексте напрямую связана с антропоцентричностью пословичного фонда в целом, а также набором заложенных в пословицу черт (антропоцентризм, обобщенность, оценочность, экспрессивность целого высказывания и его единиц). Как следствие, в задачи работы входит составление и представление лексико-тематической классификации онимов в текстах русских пословиц, описание их семантики, функционирования и лингвокультурологических особенностей.

Методологию исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области паремиологии, фольклористики (Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов, Т.Г. Бочина, Е.И. Селиверстова, Л.Б. Савенкова, В.Я. Пропп, К.В. Чистов и др.), ономастики (А.В. Суперанская, Е.К. Алешина, М.Л. Ковшова, В.А. Никонов, О.Е. Фролова, В.Н. Торопов, А.И. Попов и др.) и лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, В.В. Красных, А. Вежбицкая и др.). В современных работах по ономастике ученые обращаются к вопросам этимологии собственных имен, их типологии, составляют тематические и лексико-се-

мантические классификации онимов, проводят историко-генетические, лингвокультурологические, структурные исследования, обращаются к исследованию онимов в рамках социолингвистической парадигмы (Р.А. Агеева, А.К. Матвеев, Е.М. Поспелов, А.Ф. Журавлев, В.М. Калинин, А.В. Подольская, А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, Т.П. Егорова, В.А. Никонов и др.).

Вместе с тем, отдельные вопросы представляются недостаточно изученными: своего рассмотрения требует фитоморфный код культуры, актуализированный в пословичной картине мира русского народа, являющейся неотъемлемой частью фольклорной и культурной картин мира, и отражающий существующие стереотипные, образные, а также нередко символные представления народа. Актуальность обращения к биоморфному коду культуры, ядром которого выступают фитонимы, обусловлена стремлением рассмотреть особенности семантики и функционирования фитонимов в паремиологическом фонде русского языка, а также необходимостью описания образной составляющей вегетативных метафор, тесно связанной со стереотипными представлениями и оценкой.

Как известно, онимы в системе языка представляют собой большой пласт лексики, связанный с наименованием предметов и живых существ, в том числе и человека, что позволяет разделить их на несколько групп: фитонимы, зоонимы, антропонимы, топонимы, космонимы, мифонимы и т.д. Традиционно под онимом понимают языковую единицу, которая выделяет именуемый объект, индивидуализируя или же идентифицируя. Исследование этимологии, особенностей семантики и функционирования онимов в различных языках и культурах выступает актуальной проблемой современной ономастики и смежных направлений. По мнению Е.С. Кубряковой, ономастическая система народа, вербализированная в языке совокупностью различного рода наименований, выступает своего рода «призмой», позволяющей рассмотреть опыт народа, этапы его исторического, духовного и бытового развития [7, с. 76].

Не случайно онимы, выступающие обозначением растений, их частей и плодов (названия деревьев и кустарников, овощных, плодовых, злаковых культур, грибов, трав и т.д.), составляют ядро фитоморфного кода культуры и формируют целостную картину о представлениях нации о растительном мире. В совокупности своей они актуализируют предметные, духовные и ценностные смыслы: «растительная лексика способна характеризовать бытие

и развитие различных сфер непредметного мира, этапы жизни человека, связь поколений изнутри рода, внешний облик человека, его внутренний мир [5, с.125]. В целом фитоморфный код культуры, именуемый В.Н. Телия растительным, а М.Л. Ковшовой – фитоморфным [4], отражает целостные представления нации о растительном мире.

В пословичном фонде русского языка, как и в фольклоре в целом, фитонимы встречаются достаточно часто, однако по количеству уступают антропонимам и зоонимам. Референтная отнесенность онимов в фольклоре обнаруживает тесные связи с мифологией древних славян, культовыми обрядами и символами. В сказках фитонимы используются для характеристики живых существ и нередко связаны с духовным или загробным миром, обнаруживая отсылку к символу или стереотипу: *Есть Елена Прекрасная, и есть у ней живая и мертвая вода и моложавые яблоки* [1]; *У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый...; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые* [1].

Вместе с тем, метафорический и метонимический переносы, за которыми стоят референтные возможности онимов, имеют отличную природу в фольклорных текстах различных жанров. Так, в сказках перенос основывается на мифологии, культовых обрядах и символах, в пословицах – на законах логического мышления и существования объективного мира. В пословицах фитонимы реализуют характеризующую и оценочную функции, обусловленные объективными характеристиками растения (полезный / вредный, съедобный / несъедобный, лечебный, использующийся в хозяйственной деятельности и быту) и законами логического и прагматического мышления: *Горох да репа животу не крепа* [2, с. 349]; *Гриб не хлеб, а ягода не трава* [2, с. 50]. Важными оказываются внешний вид, вкус, полезность растения: *Хрен редьки не слаще, черт дьявола не лучше* [2, с. 350]. Связь с символом и мифологией при использовании фитонимов в пословицах представляется менее выраженной.

Кроме того, изначально когнитивные, а затем и семантико-стилистические переносы, лежащие в основе вегетативных метафор пословиц, обладают ярко выраженным антропоцентризмом: *В хваленой капусте много гнилых кочней* [2, с. 188]; *Ель не сосна: шумит неспроста* [2, с. 44]; *Яблоко от яблоньки не далеко падает* [2, с. 150]. Как следствие, обозначение растения –

это, прежде всего, иносказательное обозначение человека, черт его характера, отличительных признаков или же описание какой-либо ситуации: *Не бывает поле безо ржи, а слово безо лжи* [2, с.176]; *Гроза бьет по высокому дереву* [2, с. 165]; *Не растут на ели яблочки, а шишки* [2, с. 150].

Особенности географического положения и природно-климатических условий жизни народа, ведения хозяйственной деятельности и быта определяют обращение народа к определенному набору фитонимов и фитокомпонентов. В пословичном фонде русского языка их совокупность может быть представлена в рамках лексико-тематической классификации с соответствующими подгруппами.

Первую группу составляют наименования лесных дикорастущих деревьев и кустарников, а также их составляющие части (листья, ствол, корни, ветки, почки, пень и т.д.): *Исподволь и ольху согнешь, а в круте и вяз переломишь* [2, с.39]; *Держись за дубок, дубок в землю глубок* [2, с. 42]; *Сидит под кустом, позакрывишь листом* [2, с. 173]. Вторая группа представлена наименованиями плодовых деревьев и плодов: *Яблоко от яблоньки не далеко падает* [2, с. 150]; *Друг неиспытанный, что орех не расколотый* [2, с. 268]. В третьей группе объединены названия хвойников: *Ель не сосна: шумит не спроста* [2, с. 44]; в четвертой – названия ягод (лесные, садовые): *Это нашего поля ягода* [2, с. 274]; *Марина не малина: в одно лето не опадет* [2, с. 207]; в пятой – злаковых и урожая: *Винцо не пшеничка: прольешь – не подклроешь* [2, с. 301]; в шестой – фруктов и овощей (бобовые, корнеплоды и т.д.): *Не хвались горох, не лучше бобов* [2, с. 169]; *Репой да брюквой не хвалятся* [2, с. 185]; седьмой – грибов (съедобные / несъедобные): *Не поклонясь до земли и гриба не поднимешь* [2, с.167]; восьмой – трав и семян (лечебные, дикорастущие, травянистые): *Крапивное семя, каштаново племя* [2, с.144]; *Стал бы кормить и волка, коли б травку ел* [2, с. 259]; *Кобыла вздыхает, а траву хватает* [2, с. 327]; девятой – цветов: *Красна девка в хороводе, что маков цвет в огороде* [2, с. 205]. В русских пословицах свое закрепление получают условия и способ произрастания растения, традиции культивирования и возделывания, а также образно-ассоциативные представления народа.

К особенностям семантики и функционирования фитонимов в пословичном фонде русского языка относится развитая система смысловых отношений, в первую очередь, гиперо-гипонимических и антонимических; большое разнооб-

разие гипонимов-фитонимов, позволивших выделить многочисленные подгруппы внутри лексико-тематической классификации; регулярное обобщение семантики за счет использования гиперонимов (*дерево, куст, цветок*): *У пьяного кулаки дерево рубят; у трезвого и топор не берет* [2, с. 319]; *Как ни гни дерево, оно все вверх растет* [2, с. 155]; *Кобыла вздыхает, а траву хватает* [2, с. 327], а также форм единственного числа фитонимов (гипонимов и гиперонимов): *Победны (обидны) в поле горох да репа, в свете вдова да девка* [2, с. 203].

Лингвокультурную специфику фитонимов в фольклоре различных народов составляет наличие /отсутствие наименований растений, безэквивалентность отдельных единиц, а также особый культурный слой значения, детерминированный когнитивной и фольклорной картиной мира. Так, для русского языкового сознания *рожь* и *пшеница* принципиально различны: *Винцо не пшеничка: прольешь – не подклюешь* [2, с. 301]; а растения, исконно не произрастающие на территории России, воспринимаются как чужие: *Не наша еда лимоны, есть их иному* [2, с. 342]. Фитонимы и их дериваты (*хрен, хвоц, репа, репище; репорез* и т.д.) всегда актуализируют большой объем лингвокультурной информации, так как, выступая знаками материального мира, они «наделены культурным смыслом и становятся знаками культуры» [8, с. 171]: *Хвоц – деревенский овощ* [2, с. 349]; *Не дремли баба на репорезов день* [2, с. 372]. При этом речь может идти о значительной степени «семантической конденсации, ... некоторые элементы смысла спаяны между собой, а некоторые принципиальным образом затушеваны...» [3, с. 209]: *Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка по выбору* [2, с. 343].

Словообразовательные возможности русского языка также обеспечивают особую экспрессивность фитонимов и детерминируют их лингвокультурную специфику, которая создается активным использованием уменьшительно-ласкательных аффиксов: *Душа и редечкой напитается, а тело волочу любит* [2, с. 337]; *Пшеничка по выбору кормит* [2, с. 343]; *Мимо яблоньки яблочко не падает* [2, с. 150]. К этно-лингвокультурным особенностям фитонимов на материале пословичного фонда русского языка также относится суффиксальное словообразование существительных на «-ник», основанное на семантике мотивирующего прилагательного: *Ельник и березник, чем не дрова?* [2, с. 349] и широко распространенное суффиксальное словообразование прилагательных: *Достался гадине виноградная ягода* [2, с. 232].

Таким образом, фитонимы в русских пословицах обнаруживают специфику когнитивной, языковой и культурной картин мира, в них раскрывается лингвокультурный потенциал языковой единицы: «национальная специфичность» определяется специфичностью присутствующих в нем неявных смыслов; она заключена в тех бесплотных и трудноуловимых смысловых элементах, которые передаются подспудно как нечто самоочевидное» [3, с. 209]. В русских пословицах фитонимы характеризуются выраженной экспрессивной семантикой и большим разнообразием, что позволяет создать обширную лексико-тематическую классификацию фитонимов на материале пословичного фонда. Референтная отнесенность фитонимов в пословичном фонде русского языка связана с семантикой экспрессивности, оценочности и обобщенности пословичного изречения и его элементов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки М., 2008.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1993.
3. *Зализняк А. А., Левонтина И.Б.* Отражение «национального характера» в лексике русского языка. М., 2012.
4. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. д. филол. н. М., 2009.
5. *Кондратьева О.Н.* Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «Душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9.
6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. Монография. М., 1978.
8. *Савченко Л.В.* Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273.

R E F E R E N C E S

1. *Afanasyev A.N.* Folk Russian fairy tales M., 2008.
2. *Dal V.I.* Proverbs of the Russian people. M., 1993.
3. *Zaliznyak A. A., Levontina I. B.* The reflection of "national character" in the vocabulary of the Russian language. M., 2012.
4. *Kovshova M.L.* Semantics and pragmatics of phraseological units: linguoculturological aspect: abstract thesis. M., 2009.
5. *Kondratyev O.N.* Phytomorphic metaphor as a means of representing the concept of "Soul" in Russian linguistic culture // *Linguoculturology*. 2015. No 9.
6. *Krasnykh V.V.* "One" among "strangers": myth or reality? M., 2003.
7. *Kubryakova E.S.* Parts of speech in onomasiological aspect. Monograph. M., 1978.
8. *Savchenko L.V.* Hierarchical model of the biomorphic code of culture // *Culture of the Black Sea peoples*. 2014. No 273.

06 октября 2019 г.